

Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле¹

НАТАЛЬЯ
ЖЕРЛИЦЫНА

В последнее десятилетие международное сообщество напряженно следит за происходящим в Сахеле. Сложный характер кризиса в этом регионе со временем лишь усугубляется, превращая территории Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада в неуправляемое пространство, находящееся во власти транснациональной преступности и глобального радикализма. И для соседних стран, и для Европы такая ситуация чревата нарастанием политической нестабильности, снижением безопасности и расширением нерегулируемой миграции. Хотя эпицентр нынешнего конфликта находится в Мали, а в других частях Сахеля положение не столь тяжелое, все страны региона в той или иной степени страдают от недееспособности государственной власти и вытекающей из этого нестабильности. По отдельности ни одна из стран региона не в состоянии адекватно реагировать на проблемы жизнеобеспечения, с которыми в настоящее время сталкивается их население.

Конфликт в Сахеле зачастую преподносится как совокупное следствие экспансии салафитской идеологии и распространения транснациональной преступности. Но, хотя упомянутые факторы действительно ощутимо влияют на безопасность, в основе конфликтов в этом регионе вовсе не обязательно лежат вопросы религиозно-идеологического или криминального плана. Стоит иметь в виду, что многие местные противоречия обусловлены разногласиями по поводу доступа к природным ресурсам, которые становятся все более острыми по мере того, как растет население и меняется климат. Конфликты из-за прав на землю в Сахеле могут возникать как между соседними общинами, использующими земельные ресурсы сходным образом, так и между общинами, ведущими разное землепользование – например, между земледельцами и скотоводами. Земля есть ключевой ресурс, обеспечивающий выживание в настоящем и будущем. Соответственно, доступ к ней приходится защищать любыми средствами, в том числе и обращением к боевикам-джихадистам – если иные альтернативы отсутствуют.

Наталья Александровна Жерлицына (р. 1966) – ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов.

1 Статья подготовлена в рамках гранта РФФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА

Борьба за ресурсы в Сахеле накладывается на традиционные этнические противоречия. Поскольку пахотных земель становится все меньше из-за опустынивания, которое усугубляется всемирным потеплением, неочевые группы (догоны) все жестче конкурируют с кочевыми (фулани) за доступ к ресурсам, создавая предпосылки для неослабевающей напряженности. Как нередко бывает в Африке, корни этно-расовых разногласий уходят в колониальные времена, когда кочевые скотоводы Сахары и Сахеля (мавры, туареги, фулани, тубу, загава и другие) и оседлые земледельцы с юга оказались невольными соседями в искусственных границах государственных образований, созданных колонизаторами. При этом бывшие хозяева резервировали политическое господство за оседлыми группами, отводя кочевым группам подчиненное положение. Именно поэтому, например, в последнее время в центральных провинциях Мали – таких, как Мопти, – вооруженные отряды джихадистов терроризируют лидеров этнической группы догонов (в основном земледельцев), которых они обвиняют в поддержке малийского государства. Догоны в свою очередь создают отряды самообороны, бойцы которых нападают не только на экстремистов, но и на гражданских лиц, чаще всего из числа фулани-скотоводов, обвиняемых догонами в сотрудничестве с джихадистами. Насилие, набравшее обороты на протяжении нескольких лет, достигло пика в марте 2019 года, когда боевики-догоны в ходе только одной акции убили более 160 фулани, включая женщин и детей². Понимая, что государство не способно защитить их, фулани обращаются за помощью к исламистским вооруженным формированиям. Некоторые из них сами присоединились к джихадистам, которые были рады использовать напряженность для пополнения своих рядов. Межобщинный конфликт, начавшийся в центральной части Мали, позже перекинулся на Буркина-Фасо и Нигер. Сегодня похожие споры из-за земли генерируют насилие между фулани и мосси в Буркина-Фасо, а также между фулани, туарегами и дауссахаканами в Нигере. В одной из наиболее кровавых акций, проведенной 2 января 2021 года на западе Нигера, исламистские боевики убили более сотни мирных жителей в районе Тиллабери, недалеко от границы страны с Мали и Буркина-Фасо³.

Гуманитарная ситуация в Сахеле продолжает ухудшаться с начала 2020-х; прежде всего это происходит из-за сниже-

2 См.: АВВАС Т. *Countering Violent Extremism: The International Deradicalization Agenda*. London: I.B. Tauris, 2021. P. 137.

3 AFP: в Нигере исламисты убили в двух поселках 100 жителей // ТАСС. 2021. 3 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10401911>).

ния уровня безопасности, поскольку гражданское население все чаще подвергается нападениям со стороны как джихадистских групп, так и национальных сил безопасности, поддерживаемых международными воинскими контингентами. В течение 2020 года в Буркина-Фасо, Мали и Нигере были убиты почти семь тысяч человек⁴. В первых двух странах от рук местных ополченцев и национальных сил безопасности погибло больше гражданских лиц, чем из-за атак вооруженных исламистов: это жертвы карательных операций, которые правительственные войска проводят против населения, обвиняемого ими в поддержке исламистских группировок. Нынешнее положение в Сахеле можно назвать чрезвычайным – военные действия и дисфункции государства создают угрозу голода, побуждающую людей к массовым перемещениям внутри государственных границ и за их пределы. Сохраняется острая потребность в гуманитарной помощи в таких областях, как снабжение продовольствием и водой, медицинское и санитарное обслуживание, обеспечение жильем, предоставление образования, защита жертв гендерного насилия.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Земля есть ключевой ресурс, обеспечивающий выживание в настоящем и будущем. Доступ к ней приходится защищать любыми средствами, в том числе и обращением к боевикам-джихадистам – если иные альтернативы отсутствуют.

С 2017 года Африканский центр стратегических исследований зафиксировал почти семикратное увеличение случаев насилия в центральном Сахеле, причем только в 2020-м число вооруженных атак увеличилось на 44%⁵. В 2019-м Буркина-Фасо пострадала от нападений джихадистов больше, чем любая другая страна Сахеля. Едва ли не ежедневные вылазки исламистов (и ответные акции ополченцев) вынудили сотни тысяч людей покинуть свои дома и привели к закрытию сотен больниц и школ по всей стране. Сегодня эта страна демонстрирует наиболее глубокий гуманитарный кризис в мире: с 2018-го по 2020 год число перемещенных лиц в ней выросло более чем в десять раз. Подобный рост, который с полным основа-

4 BRACHET J. *The Sahel, Europe's «Frontier Zone» for African Migrants*. Italian Institute for International Political Studies. 2021. March 3 (www.ispionline.it/en/publicazione/sahel-europes-frontier-zone-african-migrants-29307).

5 *The Impact of the Sahel Conflict on Cross-Border Movements from Burkina Faso and Mali towards Côte d'Ivoire and Ghana*. Mixed Migration Center Research Report. May 2021. P. 16 (<https://reliefweb.int/report/burkina-faso/impact-sahel-conflict-cross-border-movements-burkina-faso-and-mali-towards-c-te>).

нием можно признать беспрецедентным, заставляет проанализировать ситуацию в этом африканском государстве более детально.

АФРИКАНСКАЯ СТРАНА В УСЛОВИЯХ ДЖИХАДИСТСКОГО ВЫЗОВА

Буркина-Фасо – бедная страна, не имеющая выхода к морю, располагающая ограниченными природными ресурсами и отличающаяся выраженной слабостью государства. В 2022 году ее население оценивалось примерно в 22,7 миллиона человек при ежегодном приросте 2,59%. Вопрос, как прокормить динамично растущее население, для Буркина-Фасо, как и для ее соседей по региону, не имеет однозначного решения, особенно если принять во внимание слабость местной экономики, базирующейся на традиционном сельском хозяйстве, где заняты около 80% рабочей силы. Основной товарной культурой остается хлопок, хотя в последнее время все большее значение приобретает золотодобыча. Однако высокотехнологичная горнодобывающая промышленность явно не способна решить проблему занятости, с которой сталкивается Буркина-Фасо: она, конечно, помогает стимулировать экономику, но в целом ее эффект незначителен.

Относительная политическая стабильность, отличавшая республику в правление президента Блэза Компаоре (1987–2014), закончилась с его свержением и последующей дезорганизацией вооруженных сил и аппарата безопасности. В условиях нарастающего хаоса, в которых зона Сахеля находилась с 2012 года из-за восстания туарегов на севере Мали, поддержанного вооруженной исламистской группировкой «Ансар ад-Дин» и ее союзниками, распространение насилия на территорию Буркина-Фасо оказалось неизбежным. Для президентства Рока Марка Кристиана Каборе (2015–2022) готовность государства противостоять внешнему и внутреннему насилию оставалась вопросом критической важности. Его свержение в январе 2022 года стало результатом бессилия перед радикалами, усугубляющейся бедности и неспособности взять под контроль эпидемию коронавируса.

Наступление исламистских радикалов на Магриб и Сахель началось в 2012 году после падения в Ливии режима Муаммара Каддафи, свергнутого при военном вмешательстве НАТО. Послереволюционный ливийский хаос и сменившая его гражданская война способствовали дестабилизации прилегающих к Ливии территорий, куда устремились боевики-джихадисты и потекло оружие из разграбленных арсеналов Джамахирии.

К 2015 году Буркина-Фасо превратилась в эпицентр террористической активности в Западной Африке. В стране действуют несколько международных джихадистских группировок, среди которых выделяются две наиболее крупные – «Исламское государство в Большой Сахаре», остающееся подразделением запрещенного в России «Исламского государства», и «Ансар уль-Ислам». Первая из них в марте 2019 года стала частью «Провинции Западная Африка “Исламского государства”»⁶. В этом же ряду уместно упомянуть и еще одну международную группу поменьше, пытающуюся укорениться в Сахеле: это «Аль-Каида в исламском Магрибе», филиал «большой» «Аль-Каиды» (обе запрещены в России). Известно, что ее радикалы участвовали как минимум в двух крупных нападениях в Уагадугу: 15 января 2016 года – на ресторан «Саррусипо» и отель «Splendid», а 2 марта 2018 года – на посольство Франции.

Если «Исламское государство» и «Аль-Каида» на региональной сцене считаются «пришлыми» игроками, то «Ансар уль-Ислам» представляет собой продукт местных социальных, политических и культурных реалий. Эту организацию в 2016 году создал проповедник Ибрагим Малам Дико, уроженец провинции Сум, находящейся на самой границе Буркина-Фасо с Мали. Эти земли – заброшенная и депрессивная периферия, где отсутствие государства заметно на каждом шагу; неудивительно, что социально-религиозная проповедь имама Дико нашла здесь многочисленных последователей. Называя себя «защитником и освободителем» бедных, проповедник обещал, что «Ансар уль-Ислам» возьмет на себя функции бессильного государства. Успех был обусловлен его риторикой, оправдывавшей неприятие государства религиозными аргументами и сулящей социальную эмансипацию и экономическую справедливость обездоленным. Проповедник стал выразителем недовольства молчаливого большинства, не обладающего влиянием ни в политике, ни в экономике, ни в религии. Для заметной части граждан Буркина-Фасо поддержка «Ансар уль-Ислам» представлялась более предпочтительной, чем доверие национальному правительству или его международным партнерам. После того, как летом 2017 года Ибрагим Малам Дико умер, организацией продолжил руководить его брат Джафар.

Исламистские радикалы Сахеля базируются в отдаленном регионе Липтако-Гурма, находящемся на стыке границ Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Методы ведения войны, применяемые в террористических атаках в Буркина-Фасо, можно охарактеризовать как нетрадиционные и асимметричные. Не имея сил вести обычную войну против национальных или международ-

6 Подробнее см.: Пономарев И. В. *Сегментированный терроризм в зоне Сахары – Сахеля. Период второй: 2016–2021 // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 47–55.*

ных воинских формирований, экстремисты используют в основном вооруженные акции с участием единичных боевиков или небольших мобильных отрядов, а также атаки смертников. Только в 2021 году террористы убили на территории Буркина-Фасо более двух тысяч мирных граждан; более половины всех терактов были направлены против сил обороны и органов безопасности – военнослужащих, полицейских и жандармов, таможенников и прочих. Из-за распространения насилия около 1,85 миллиона человек в стране покинули свои дома и стали беженцами⁷.

Послеревolutionный ливийский хаос и сменившая его гражданская война способствовали дестабилизации прилегающих к Ливии территорий, куда устремились боевики-джихадисты и потекло оружие из разграбленных арсеналов Джамахирии. К 2015 году Буркина-Фасо превратилась в эпицентр террористической активности в Западной Африке.

От террористических атак страдает не вся территория Буркина-Фасо, а только отдельные ее части: в основном они совершаются в северных районах, прилегающих к Мали и Нигеру и ставших местом базирования боевиков, а также в столице Уагадугу. Так, около 40% нападений – 91 инцидент из более чем 210, зарегистрированных с апреля 2015-го по декабрь 2018 года, – имели место в северной провинции Сум, колыбели и оплоте группировки «Ансар уль-Ислам»⁸. Не случайно именно эта провинция является местом рождения или проживания большинства из двух с половиной сотен человек, разыскиваемых Министерством безопасности Буркина-Фасо за участие в террористической деятельности. Следующей идет северная провинция Удалан, где были совершены около тридцати нападений⁹.

7 См.: *Over 20 Civilians Killed in Attack in Northwest Burkina Faso* // Aljazeera. 2022. July 5 (www.aljazeera.com/news/2022/7/5/at-least-22-killed-in-attack-in-burkina-faso).

8 GUICHANOVA Y., HÉNI N. *Comment le djihad armé se diffuse au Sahel* // The Conversation. 2019. February 24 (<https://theconversation.com/comment-le-djihad-arme-se-diffuse-au-sahel-112244>).

9 См.: ИСАЕВ Л.М., КОРОТАЕВ А.В., БОБАРЫКИНА Д.А. *Влияние «Арабской весны» на «Черную весну» в Буркина-Фасо* // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 1. С. 99–100.

МНОГОГРАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Подъем экстремизма породил среди граждан Буркина-Фасо глубокое ощущение уязвимости и небезопасности, особенно на территориях, граничащих с Мали и Нигером. С 2016-го по 2018 год из-за опасений за свою жизнь этот регион покинули 895 учителей, что привело к закрытию 216 школ и оставило без обучения примерно двадцать тысяч детей¹⁰. Руководствуясь теми же соображениями, судьи города Джибо, административного центра провинции Сум, единогласно решили уехать в Угадугу и закрыть местный суд, приостановив свою деятельность «до дальнейшего уведомления». Вероятно, в будущем подобных должностных миграций будет все больше.

Еще одним следствием нарастания экстремизма в Буркина-Фасо стало обострение межэтнического противостояния. Из-за того, что среди боевиков немало людей из фулани и туарегов, представители этих этнических групп нередко подвергаются стигматизации. Атмосфера психоза, естественным образом сгущающаяся в обществе, подвергает серьезному испытанию социальную сплоченность граждан страны, порождает недоверие и обостряет разногласия между сообществами, которые еще десять лет назад могли находить общий язык. В выигрыше от этого, несомненно, оказываются джихадистские группировки.

Далее, разгул экстремизма еще более углубил пропасть между населением и властью. К традиционным претензиям граждан, адресуемым чиновникам и включающим коррупцию, злоупотребление экономическими, политическими и судебными полномочиями, а также бедственное состояние социальной инфраструктуры, в последнее десятилетие добавилось грубейшее беззаконие, демонстрируемое силовыми структурами в тех регионах, которые более всего страдают от вылазок джихадистов. Жители страны сообщают об исчезновениях, немотивированных арестах и даже внесудебных казнях своих родственников, которые обвинялись или подозревались силами безопасности в причастности к террористической деятельности. В 2018 году неправительственная организация «Human Rights Watch» опубликовала отчет о ситуации в Буркина-Фасо с говорящим названием: «“Днем мы боимся военных, а ночью – джихадистов”: злоупотребления со стороны вооруженных исламистов и сотрудников правоохранительных органов»¹¹. Обитатели провинций,

10 THURSTON A. *Escalating Conflicts in Burkina Faso*. Dakar: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019. P. 31–33 (https://rosaluxna.org/wp-content/uploads/2021/12/01_2019_EscalatingConflicts_web.pdf).

11 *Human Rights Watch*. «By Day We Fear the Army, By Night the Jihadists»: Abuses by Armed Islamists and Security Forces in Burkina Faso. May 2018 (<https://reliefweb.int/report/burkina-faso/day-we-fear-army-night-jihadists-abuses-armed-islamists-and-security-forces>).

наиболее страдающих от терроризма, оказались между молотом и наковальней: будучи заподозренными в сотрудничестве с властями, они делают объектами мести террористического подполья; будучи обвиненными в поддержке террористов, они рискуют лишиться свободы или даже жизни от рук сил безопасности. Эта дилемма углубляет отчуждение обычных граждан от людей в униформе – хотя хорошо известно, что без слаженного взаимодействия и доверия между ними борьба с терроризмом неизменно обречена на провал.

Другим показателем немощи государства и беззащитности граждан стало появление в стране групп народной самообороны. Местные инициативы в области безопасности реализуются через оформление самостоятельных объединений, представляющих собой что-то вроде «народных дружин»: примерами может служить работа «Коглевеогос» («Kogleweogos») на плато Мосси и в Сахеле, а также «Дозос» («Dozos») на западе страны. «Коглевеогос» возникли в ответ на нехватку личного состава сил безопасности: в Буркина-Фасо один жандарм приходится на 1800 жителей, что ниже стандартной нормы, требующей наличия одного жандарма на каждые 400 жителей¹². Официальная полиция, помимо кадрового голода, испытывает также недостаток оснащения, которое во многом отстает от уровня современных угроз. Объединение «Дозос» учреждено на базе традиционного охотничьего братства, которое действует в нескольких странах, включая Кот-д'Ивуар, Мали и Гвинею. В Буркина-Фасо объединение «Коглевеогос» юридически признано правительством, его члены носят собственную униформу и имеют членские билеты. И власти, и население признают, что это импровизированное ополчение вносит заметный вклад в поддержание мира, особенно в сельских и пригородных районах. Обычно члены организации занимаются бытовыми вопросами типа хищений частного имущества, животных или транспорта: они в состоянии возвращать людям не только велосипеды или мотоциклы, но и автомобили. Если владелец украденного не находится, то по истечении определенного времени ополченцы передают имущество полиции. Они приходят на выручку силам правопорядка и в тех случаях, когда в подведомственном районе случается террористическая атака. Так, в мае 2018 года члены «Коглевеогос» задержали четырех нападавших, которые подожгли школу в селении Бафина, а также троих их предполагаемых сообщников, передав злоумышленников жандармерии. И это лишь один из множества примеров. Об эффективности дружинников и доверии, которым они пользуются у населения, красноречиво свидетельст-

12 LAZARIDES N. *Burkina Faso: Jihadists' Ethnic Strategy and the Kogleweogo Problem* // *Terrorism Monitor*. 2019. № 17(23). P. 3–5.

вует следующий рассказ двух жителей отдаленного района Уагадугу: «Люди теперь доверяют “Коглевеогос” гораздо больше, чем полиции и жандармам. Если есть кража или проблема, лучше позвонить “Коглевеогос”, потому что они скоро придут, вор будет арестован и наказан, а украденное добро будет возвращено»¹³.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Обитатели провинций, наиболее страдающих от терроризма, оказались между молотом и наковальней: будучи заподозренными в сотрудничестве с властями, они делаются объектами мести террористического подполья; будучи обвиненными в поддержке террористов, они рискуют лишиться свободы или даже жизни от рук сил безопасности.

Однако по мере того, как группы самообороны набирают авторитет и наращивают силу, увеличиваются и опасения, что они сами в какой-то момент могут стать угрозой социальному миру. Такое действительно происходит в случаях, если подобные ополчения выходят из-под контроля государственных властей: здесь типичны, скажем, примеры отрядов «маи-маи» в Демократической Республике Конго. Деятельность «Коглевеогос» иногда граничит с нарушением прав человека: подчас они игнорируют презумпцию невиновности, право на справедливое судебное разбирательство и тому подобные базовые вещи. Кроме того, ополченцы конкурируют с государственными структурами в реализации права на осуществление правосудия, пытаясь в некоторых случаях подменять даже судей. Иначе говоря, без неослабного государственного надзора и надлежащей правовой подготовки «Коглевеогос» и другие подобные организации способны вскоре сами превратиться в опасные источники напряженности.

СИЛОВОЕ РЕАГИРОВАНИЕ НА КРИЗИС И ЕГО ДОПОЛНЕНИЯ

Среди мер, принимаемых властями Буркина-Фасо в борьбе с терроризмом, выделяются военные и невоенные способы. Как и большинство правительств в подобных ситуациях, местная власть отреагировала на участившиеся террористические

13 DUPUY R., TANGUY Q. *Self-Defense Movements in Burkina Faso: Diffusion and Structuration of Koglweogo Groups*. Paris: Noria Research, 2018 (<https://noria-research.com/self-defence-movements-in-burkina-faso>).

атаки энергичной демонстрацией силы: в районе Сахеля, особенно в провинциях Сум и Удалан, были развернуты крупные воинские контингенты. Правительственная стратегия предполагала проведение в 2018–2022 годах реформы национальных вооруженных сил. Одновременно власти активизировали военное сотрудничество с Мали и Нигером, а также французским антитеррористическим контингентом, дислоцированным в этих двух странах. Министерство обороны Буркина-Фасо в одиночку или совместно с соседями предприняло несколько масштабных акций, направленных против джихадистов (операции «Панга», «Отапону» и «Ндуфу»). Например, в марте–апреле 2017 года совместно с армией Мали ими проводилась операция «Панга», целью которой было обнаружение террористических группировок и пресечение их деятельности вдоль тысячекilометровой границы, разделяющей два государства. В этой операции были задействованы более 1300 военнослужащих, двести единиц техники, десять вертолетов, бомбардировщики «Mirage 2000» и разведывательные беспилотники «Reaper». Помимо нейтрализованных и захваченных террористов, властям Буркина-Фасо были переданы десятки подозреваемых¹⁴.

Буркина-Фасо вносит вклад – как финансовый, так и военный – в функционирование сил «G5 Sahel», созданных при ее участии в феврале 2017 года Нигером, Мали, Мавританией и Чадом для более эффективного противодействия международному терроризму и транснациональной организованной преступности. Буркина-Фасо также всесторонне сотрудничает с Многопрофильной комплексной миссией Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (The United Nations Multi-dimensional Integrated Stabilization Mission in Mali, MINUSMA). Стоит отметить, что отправка профессиональных воинских контингентов для поддержки этих международных организаций нелегко дается стране, которая сама сталкивается с беспрецедентными вызовами на собственной территории.

Поскольку посредством одних только силовых мер разрешить террористический кризис невозможно, правительство Буркина-Фасо параллельно выдвинуло ряд невоенных инициатив, нацеленных на предотвращение террористического насилия путем устранения его первопричин. Например, начиная с 2017 года власти реализовали амбициозную «Чрезвычайную программу для Сахеля» объемом в 414,9 миллиарда франков Африканского финансового сообщества¹⁵. Трехлетний проект

14 CAMPANA A. *Between Destabilization and Local Embeddedness: Jihadist Groups in the Malian Conflict since 2015*. Montréal: Centre FrancoPaix, 2018. P. 25.

15 DERIDDER M., PELCKMANS L., WARD E. *Reversing the Gaze: West Africa in the Tension between Migration, Development and Security in the EU* // Anthropologie & développement. 2020. № 51. P. 26.

представлял собой комплексный ответ на террористическую угрозу; его социально-экономическая составляющая предусматривала меры по борьбе с бедностью и расширению доступа людей, живущих в Сахеле, к основным социальным услугам. Наряду с совершенствованием административного и управленческого аппарата предполагалось также укрепление силовых структур для обеспечения ими эффективного отпора террористическим группам.

Что касается других невоенных мер кризисного реагирования, то ими стали международные проекты, реализуемые в Сахеле США, Францией и Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС). В частности, американская программа «Voice of Peace» стоимостью в 24,9 миллиона долларов направлена на борьбу с экстремистской риторикой, наводнившей социальные сети и общественные радиостанции, а также на продвижение прав человека, демократии и мира. Этот проект реализуется неправительственной организацией «Equal Access». В рамках проекта «Поддержка трансграничного сотрудничества в Сахеле», финансируемого рядом западных стран, Франция пытается укрепить безопасность и отладить управляемость в регионе Липтако-Гурма, отличающемся особенно сложной террористической обстановкой. Несколько невоенных инициатив реализуются и на субрегиональном уровне. Так, постоянный секретариат «G5 Sahel» создал Группу по предотвращению радикализации и борьбе с насильственным экстремизмом (Cellule de Prévention de la Radicalisation, CELLRAD). Она занимается сбором информации, позволяющей странам-членам отслеживать радикалистские и экстремистские тренды на своих территориях. Наконец, еще одной субрегиональной инициативой, которая более глобально нацелена на предотвращение конфликтов в регионе, является механизм раннего предупреждения ЭКОВАС.

Борьба с терроризмом в Буркина-Фасо затронула законодательную и судебную ветви власти: так, в рамках противодействия терроризму в декабре 2017 года был создан особый судебный центр, специализирующийся на пресечении террористических актов. Одновременно в Уагадугу оборудовали тюрьму строгого режима для содержания лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. Учитывая сильную корреляцию между подъемом экстремизма и усилением межэтнических противоречий, внимания заслуживает и такой шаг властей Буркина-Фасо, как создание Национального наблюдательного комитета по предотвращению и урегулированию межобщинных конфликтов. Этот орган, созданный в декабре 2015 года, призван объединить заинтересованных акторов, представляющих государственные и частные институции,

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

которые участвуют в предотвращении и урегулировании межобщинных конфликтов по всей стране. В его обязанности входит сбор, анализ и распространение данных о напряженности в местных сообществах. Далее, для содействия общенациональному умиротворению правительство создало еще одну специальную структуру – Высший совет по примирению и национальному единству. Функции этого органа предполагают проведение расследований, призванных пролить свет на экономические и политические резонансные преступления, совершенные в Буркина-Фасо с момента обретения независимости; предполагается, что такая деятельность будет способствовать отправлению правосудия и пачификации, необходимым для поддержания мира и укрепления национального единства. На те же задачи ориентирован и учрежденный в 2017 году Высший совет по социальному диалогу – трехсторонний орган, состоящий из тридцати членов, представляющих работодателей, работников и правительство¹⁶. Однако все упомянутые проекты, будь то по борьбе с вооруженным экстремизмом или по стимулированию социально-экономического развития, имеют существенный недостаток: они демонстрируют отдачу далеко не сразу.

Если же говорить об инициативах европейских стран – таких, например, как Объединенные силы «G5» в Сахеле (FC-G5S), – то в них основной упор делается на параметры безопасности, а развитие региона по большей части остается без внимания. Правительства стран Сахеля постепенно приходят к выводу, что за инициативой FC-G5S на деле стоит желание не столько примирить и развить Сахель, сколько удержать террористические очаги и миграционные потоки подальше от границ Европы. Неудивительно, что недавние военные перевороты в Мали в мае 2021 года и в Буркина-Фасо в январе и сентябре 2022 года имели четко выраженную антизападную направленность: их инициаторы и сторонники требовали сменить внешнеполитический курс и вывести французские контингенты. Так, подполковник Поль-Анри Сандаого Дамиба, возглавлявший военных, которые захватили власть в Буркина-Фасо весной нынешнего года, заявлял: «Несмотря на предпринятые до сих пор усилия по борьбе с терроризмом в Буркина-Фасо, целостность территории страны находится под угрозой»¹⁷. Этот офицер, годом ранее опубликовавший книгу «Западно-африканская армия и терроризм: неопределенные ответы», излагая свое видение борьбы с радикализмом в Сахеле, ставил

16 NEVIE I., KAGO E., THOR C. *Migration and Land-Use and Land-Cover Change in Burkina Faso: A Comparative Case Study* // Journal of Political Ecology. 2019. Vol. 26. № 1. P. 619.

17 Цит. по: Буркина-Фасо намерена диверсифицировать партнерские отношения в целях борьбы с терроризмом // ТАСС. 2022. 5 апреля (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14287049>).

под сомнение антитеррористические стратегии, использованные до сих пор¹⁸.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

* * *

Пример Буркина-Фасо показывает, что радикализм укореняется прежде всего на тех территориях, которые можно назвать забытой периферией: государство отсутствует здесь не только в военно-силовом, но и в социально-политическом смысле. В рассмотренном случае это прежде всего приграничная зона вдоль границы с Мали и Нигером, которую государство, расписавшееся в своей беспомощности, отдало на своеобразный «аутсорсинг» главам местных общин с их ополченцами, а также контрабандистам. Именно в таких местах находят убежище боевики радикальных организаций: в той среде, в которой местные сообщества постоянно конфликтуют с государством и между собой, предоставляемые ими услуги по обеспечению безопасности пользуются повышенным спросом. Пытаясь преодолеть замкнутый круг насилия и недоразвитости, политические элиты Сахеля обращаются как к силовым, так и мирным инструментам. Весь этот набор, однако, сработает только в том случае, если его будет подкреплять одновременное повышение дееспособности государственной власти, позволяющее ей удовлетворять базовые социальные потребности граждан – особенно в тех регионах, которые маргинализированы и потому уязвимы перед лицом воинствующего джихадизма.

18 См.: ДАМИБА Р.-Н.С. *Armées Ouest-Africaines et Terrorisme: Réponses Incertaines?* Paris: Les Trois Colonnes, 2021. В сентябре 2022 года, когда этот материал готовился к печати, подполковник Дамиба был отстранен от власти в ходе очередного военного путча. – *Примеч. ред.*